

На правах рукописи

Горбацевич Ольга Алексеевна

**«ТЮРЕМНЫЙ» И «КАТОРЖНЫЙ» ТЕКСТ В РУССКИХ МЕМУАРАХ,
КЛАССИКЕ, БЕЛЛЕТРИСТИКЕ И ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
XIX ВЕКА: ЖАНР, СУБЪЕКТНЫЕ СФЕРЫ**

Специальность 5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Воронеж – 2025

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Воронежский государственный педагогический университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент
Шпилевая Галина Александровна

Официальные оппоненты: **Ларионова Марина Ченгаровна**, доктор филологических наук, доцент, ФГБУН «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук», заведующий отделом гуманитарных исследований (Ростов-на-Дону)

Цирулев Александр Федорович, кандидат филологических наук, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, кафедра романо-германских языков, перевода, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации, доцент (Нижний Новгород)

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Защита состоится «15» октября 2025 г. в 17:00 часов на заседании диссертационного совета 24.2.288.13, созданного на базе ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», по адресу: 394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 10, ауд. 37.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке ВГУ и на сайте <http://www.science.vsu.ru/disser>

Автореферат разослан «   »   2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Алейников Олег Юрьевич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Вторая половина XIX века занимает особое место в истории русской литературы, так как на этот период приходится чрезвычайно интенсивное развитие «тюремного» и «каторжного» текста художественной словесности, отношение к которой утвердилось как к одной из духовных основ национальной жизни.

Среди рассматриваемых в мемуарах, в художественной и документальной литературе проблем были причины преступлений и правомерность наказаний, положение дел в судопроизводстве, пенитенциарной системе в целом. Выход в свет «Жития протопопа Аввакума» (1861), осуществленные А.И. Герценом публикации воспоминаний декабристов, волна общественного интереса, связанная с возвращением «вольнодумцев» из Сибири, публицистические произведения, «удостоверенные» именами общественных деятелей эпохи великих российских реформ, породили устойчивый интерес читательской аудитории к проблемам острога и каторги. «Записки из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского, репортажи В.А. Гиляровского, «Сахалин» В.М. Дорошевича, «сибирские рассказы» В.Г. Короленко, «Остров Сахалин» А.П. Чехова, «В мире отверженных» П.Ф. Якубовича-Мельшина и другие произведения, вызвавшие большой общественный резонанс, показали, что «первыми, самыми активными просителями за смягчение участи осужденных были писатели»¹. Особым доверием, безусловно, пользовались материалы, созданные «бывшими каторжниками».

Тема тюрьмы и каторги, этические проблемы, связанные с документально-публицистическими свидетельствами и художественным постижением жизни человека в условиях «узаконенной» несвободы, являлись значимой составляющей литературного процесса второй половины XIX века.

В предпринятом нами диссертационном исследовании рассматриваются жанровые особенности и субъектная организация произведений отечественных мемуаристов, классиков, беллетристов, документалистов и публицистов XIX века,

---

¹ Фумм А.М. Тюрьма в русской литературе второй половины XIX в. / А.М. Фумм // Вестник Самарского юридического института. – 2015. – № 2 (16). – С. 105.

посвященных проблемам тюрьмы, ссылки и каторги. Учитывая жанровое разнообразие (мемуары, повести, рассказы, романы, очерки) и художественный уровень «острожной» и «каторжной» прозы, важно рассмотреть один из главных для рода эпоса аспект – повествовательный. Также важно понять, чем обусловлен выбор писателями способов создания образа субъекта речи в классике (высокохудожественной литературе) и в беллетристике (словесности «второго ряда») – рассказчика или повествователя; каковы особенности сказовой формы в публицистике и документальной литературе; что дает эффект смены «угла зрения» – пространственного, временного, эмоционального (в терминологии Б.О. Кормана).

В настоящем диссертационном исследовании предпринимается попытка понять роль и место итератива (сообщение о многократно повторяющихся событиях) и сингулятива (сообщение о единичном событии – в русле учения Ж. Женетта); нас также будет интересовать отношение события, «о котором рассказано в произведении» к событию «самого рассказывания» (М.М. Бахтин). Большое значение будет иметь изучение влияния повествования на жанровую структуру (под жанром в данном случае понимается «некоторая взаимная условленность общения, объединяющая субъекта и адресата высказывания»²). Так, произведения признанных классиков, чьи труды занимают особое положение на «шкале ценностей» (например, Ф.М. Достоевского, положившего начало «каторжной» художественной прозе «Записками из Мертвого дома» (1860–1862), Л.Н. Толстого, создавшего роман-манифест «Воскресение» (1889–1899), изображающий «становящегося человека» в изменяющемся мире, А.П. Чехова, автора «путевых записок» «Остров Сахалин» (1891–1893)), демонстрируют сложные повествовательные стратегии творцов, обусловившие жанровые явления. Коммуникативная задача беллетриста (не классика, то есть автора произведений «второго ряда», из-под пера которого выходит «формульная литература, отличающаяся высокой степенью стандартизации»³), его манера общения с читателем-современником иная, нежели у создателя

---

² Тюпа В.И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А.П. Чехова) / В.И. Тюпа. – Тверь: Тверской государственный университет, 2001. – С. 16.

³ Мельников Н.Г. Понятие «массовая литература» в современном литературоведении / Н.Г. Мельников // Литературоведение на пороге XXI века. – Москва: МГУ, 1998. – С. 233.

высокохудожественных произведений, она более «прямолинейная», и это неразрывно связано с выбором жанра, ориентированного на изображение злободневных проблем. Популярнейшие в свое время циклы очерков Н.М. Соколовского («Острог и жизнь» (Из записок следователя) (1866)), С.В. Максимова («Сибирь и каторга» (1871)) – яркое этому подтверждение.

Устремленностью к решению сиюминутных задач характеризуется речевая позиция создателей «путевых записок», циклов очерков, что в случае с «острожной» и «каторжной» прозой имело особое практическое значение для демократизации общества, укоренения в нем гласности. Особенности поэтики изложенных фактографически точных материалов, безусловно, зависят и от уровня таланта авторов произведений, что можно видеть при сопоставлении «сахалинских записок» А.П. Чехова и В.М. Дорошевича.

В настоящее время существуют работы, где проведен развернутый и убедительный анализ «полицейских» рассказов, романов второй половины XIX века, исследователи обращаются к произведениям Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, В.М. Дорошевича, отразивших проблемы пенитенциарной системы, обновленной после судебной и тюремной реформ, способствовавших гуманизации общества. Большое внимание в научно-исследовательской литературе уделено сопоставлению поэтики, проблематики классики и беллетристики (из разряда «забытое и второстепенное») второй половины XIX века, где рассматриваются проблемы социальной справедливости с присутствием «острожного» и «каторжного» текста (под текстом, вслед за В.Н. Топоровым, понимается некий «сверхтекст», который «обучает» выходить за «свои собственные пределы», обрастая определенными связями – широкими, «внетекстовыми»).

Труды таких исследователей, как Г.В. Алексеева, Н.Л. Вершинина, М.А. Жиркова, А.В. Кубасов, Ш. Коррадо, М.Ч. Ларионова, А.И. Рейтблат, Г.К. Пилиева, Е.К. Созина, С.В. Савинков, Н.В. Семенова, М.Ю. Чотчаева, В.Л. Рыжикова, А.Ф. Цирулев, А.А. Фаустов, Н.Л. Шилова, Г.А. Шпилевая, во многом скорректировали направление нашего исследования.

Статьи и монографии литературоведов, где в центре внимания оказались проблемы повествования, отношений автора и читателя (имеются в виду исследования М.М. Бахтина, Ж. Женетта, Б.О. Кормана, Е.В. Падучевой, П. Рикера, В.П. Скобелева, В.И. Тюпы, В. Шмида, Б.А. Успенского), явились методологической базой для настоящей диссертации.

Несмотря на наличие работ с глубоким анализом социальной проблематики и элементов поэтики произведений, содержащих «острожный» текст, существует потребность в дальнейшем исследовании взаимодействия указанных категорий при рассмотрении аспектов мировоззрения отечественных писателей XIX века: их уверенности в самом феномене национальной литературоцентричности, в положительном влиянии искусства на общественные процессы. Изучение жанровых особенностей (новеллистическая центростремительность, «заданность» линейной структуры повести, романная перспектива, дискретность композиции цикла очерков) произведений, составивших материал диссертации, дало возможность исследовать нравственную и эстетическую позиции писателей относительно остросоциальных гуманитарных вопросов, например, самооценности личности в контексте норм общественных институтов. Анализ субъектных сфер художественных и документальных произведений позволил установить поэтологические и идеологические связи, которые вне рассмотрения их интерферирования не проявились бы столь ярко: между итеративной риторикой и образной интерпретацией этических ценностей, графическими средствами и рефлексией мемуариста, повествовательной манерой представления фактов из следовательской и статистической практики и художественной характерологией, типологией. Этим обусловлена **актуальность** настоящей работы.

Объектом и материалом исследования являются произведения русских прозаиков XIX века о тюрьме и каторге (мемуары декабристов, революционеров-народников, «Записки из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского, «Соколинец» В.Г. Короленко, «Воскресение» Л.Н. Толстого, «Остров Сахалин (Из путевых заметок)» А.П. Чехова, «Сахалин» В.М. Дорошевича, а также циклы очерков «Острог и жизнь (Из записок следователя)» Н.М. Соколовского, «Сибирь и катор-

га» С.В. Максимова). Выбор произведений обусловлен высокой степенью их популярности в российском обществе, переживавшем социально-политические кризисы в разные десятилетия XIX века.

Предмет исследования – жанровые аспекты, специфика повествовательных сфер, позволяющие выявить позицию писателей в анализируемых художественных и публицистических произведениях XIX века, содержащих «тюремный» и «каторжный» текст.

Базовыми для данной диссертации стали следующие **методы** исследования: культурно-исторический, сравнительно-исторический, структурно-типологический.

Цель работы: определить и сопоставить основные черты субъектной организации произведений, содержащих «острожный» и «каторжный» текст, с точки зрения их влияния на специфику жанра и стиля.

В соответствии с поставленной целью решаются следующие **задачи**:

1. Очертить круг рассматриваемых проблем с точки зрения жанрологии и нарратологии (повествования) в изучаемых произведениях, уточнить терминологический аппарат.

2. Выявить закономерности воплощения авторской точки зрения в плане фразеологии и пространственно-временной позиции нарраторов в отечественной мемуаристике (на материале воспоминаний декабристов, революционеров-народников).

3. Рассмотреть «Записки из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского с точки зрения интерферирования диегезиса и мимесиса. Определить специфику соотношения временного, пространственного и психологического планов в сюжете «Соколинца» В.Г. Короленко. Изучить «острожный» текст «Воскресения» Л.Н. Толстого в плане взаимодействия итеративного и сингулятивного повествования.

4. Исследовать особенности субъектной сферы цикла очерков Н.М. Соколовского «Острог и жизнь (Из записок следователя)», обусловленные взаимодействием публицистического и беллетристического начал.

5. Проанализировать приемы повествования в цикле очерков С.В. Максимова «Сибирь и каторга», содержащем обширный документальный материал и элементы беллетристики.

6. Показать соотношение переходных форм итератива и сингулятива («псевдоитератив» и «псевдосингулятив») в «сахалинских» циклах очерков А.П. Чехова и В.М. Дорошевича.

7. Выявить закономерности развития темы острога и каторги (учитывая взаимодействие повествовательных и жанровых элементов) в произведениях писателей XIX века.

Научная новизна исследования определяется тем, что до настоящего момента еще не было монографического труда, где «тюремный» и «каторжный» текст художественной и документальной литературы рассматривался бы в аспекте взаимного влияния законов жанра и принципов повествования, что дает возможность уточнить некоторые особенности мировоззрения писателей (взгляд на отношения «личность – общество», «свобода – дикая воля»), сопоставить черты классики, беллетристики и публицистики.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что анализируемый материал вводится в парадигму *повествование – жанр* (это может применяться при изучении поэтики и проблематики публицистической, художественной прозы, классики и беллетристики – литературы «второго ряда»). В работе представлены методы анализа субъектных сфер произведений (коммуникация нарратор – адресат-единомышленник, взаимное влияние итеративной и сингулятивной риторики), содержащих «острожный» и «каторжный» текст. Диссертация вносит вклад в уточнение этических позиций русских писателей XIX века по отношению к преступлению и наказанию, функциям тюрьмы и каторги.

Практическая значимость материалов данной диссертации состоит в том, что ее результаты могут использоваться в преподавании учебных дисциплин по профилю «Филология» в вузе, при написании курсовых работ, рефератов, выпускных квалификационных работ по истории отечественной словесности.

Основные **положения**, выносимые на защиту:

1. Во второй половине XIX века российские писатели, ученые, путешественники внесли большой вклад в формирование общественных взглядов на проблемы тюрьмы, ссылки и каторги. Художественные и публицистические средства, рассмотренные в диссертации, формировали эмоциональную и идеологическую основу произведений: сочувствие «отверженным», милость «к падшим», вопросы социальной справедливости.

2. В очерках, рассказах, романах второй половины XIX века о Сибири и Сахалине географическая экзотика приобретала конкретный и предельно достоверный характер. Социальные типы представлялись через индивидуальные судьбы.

3. Жанровое тяготение произведений, содержащих отмеченный гражданским пафосом «тюремный» и «каторжный» текст, обусловлено аспектами субъектной сферы: ауториальное и акториальное повествование, элементы сказовой формы.

4. Значимой чертой мемуаров декабристов является исповедальная, конфиденциальная направленность. Жанр воспоминаний, не будучи «автокоммуникативным» (в отличие от дневников), продемонстрировал в данном случае использование графических средств (курсив, кавычки, латинский шрифт), несобственно-прямой речи, «замещенной» речи (где слово нарратора передает ментальные черты персонажей), что указывает на настойчивое желание писателей утвердить свою позицию.

5. В рассмотренных воспоминаниях (как и в художественных произведениях) революционеров-народников ярко выражено стремление авторов образно и публицистически представить модель «личное благородство / жестокое отношение (персонажей-террористов) к противнику», для чего используются контрфактические высказывания (условные предложения), психологизм, «пикарескные» сюжетные мотивы.

6. В романе Л.Н. Толстого «Воскресение», цикле повестей «Записки из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского, в рассказе В.Г. Короленко «Соколинец» «острожный» и «каторжный» текст характеризуется завершенностью сюжетно-

композиционной системы в микроситуациях, преобладанием сингулятивного повествования, аналепсисами, предоставляющими реципиенту текста возможность сравнить состояния персонажей в прошлом и настоящем их бытия.

7. В цикле очерков Н.М. Соколовского «Острог и жизнь (Из записок следователя)» преобладает публицистическое начало; главенство итеративного изложения позволяет показать детерминированную социумом личность преступника. Однако для того, чтобы заинтересовать читателя, автор прибегает к беллетризации (посредством использования тропов при создании портрета, ярких деталей), что уравнивает типическое и индивидуальное в образах персонажей-острожников.

8. Писатель-этнограф С.В. Максимов в цикле документальных очерков «Сибирь и каторга» приводит исторические справки о каторге, фрагменты мемуаров декабристов, личные наблюдения статистика, географа, однако для создания популярного, интересного широкому читателю произведения автор также прибегает к беллетризации: использованию сказовой формы, введению комических эпизодов, «личного» рассказчика («я-повествование»), делящегося своими наблюдениями и воспоминаниями.

9. В «сахалинских очерках» А.П. Чехова наблюдается пессимистическая позиция по отношению к решению проблем каторги, что подтверждается обилием «псевдоитеративных» и «псевдосингулятивных» фрагментов, введением «ненадежного» нарратора (персонажи очерков).

10. В.М. Дорошевич, переходя от общих планов к детальному изображению, используя яркую тропику, опыт предшественников-сатириков (Н.В. Гоголя, М.Е. Салтыкова-Щедрина), стремится упорядочить собственные впечатления от каторжного бытия, не находя возможности оправдать официальную социокультурную концепцию наказания и тюрьмы как общественного института.

Апробация. Данная диссертация обсуждалась на кафедре теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы Воронежского государственного педагогического университета. Основные положения работы излагались в докладах на ежегодных всероссийских конференциях «Декада науки»

(2022–2025 гг.), проходивших в Воронежском государственном педагогическом университете; на «Некрасовских чтениях», состоявшихся 6–7 февраля 2023 г. в Институте русской литературы РАН (Пушкинский Дом); на международной научной конференции «Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты» (Тольятти 16–19 апреля 2023 г.); на ежегодных международных конференциях, проводимых кафедрой издательского дела Воронежского государственного университета («Книга в современном мире: когнитивные аспекты» (2021), «Книга в современном мире: эстетика книги» (2023)); на всероссийских научных конференциях «Толстовские чтения» (2022–2024 гг.), организованных Государственным музеем Л.Н. Толстого на Пречистенке (Москва).

Содержание диссертации отражено в 9 статьях, 6 из которых опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы определяется логикой и последовательностью решения заявленных задач. Диссертационное исследование состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы, состоящего из 146 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

I глава «Из истории формирования “острожной” прозы в России XIX века; методология анализа художественных и публицистических произведений, содержащих “тюремный” и “каторжный” текст» посвящена рассмотрению деятельности гуманистов, повлиявших на ход судебной и тюремной реформ (1860–1870-х гг.), на создание литературы об «отверженных» обществом. Отмечается вклад выдающихся отечественных ученых (М.Н. Галкина-Враского, А.А. Пионтковского, И.Я. Фойницкого и др.) в процесс гуманизации тюремной системы. Среди тех, кто принимал активное участие в преобразовании острогов, в судьбах заключенных, были и писатели: В.А. Соллогуб, оставивший работы об остроге и каторге, почетный академик Санкт-Петербургской академии наук А.Ф. Кони, создавший статьи о «Преступлении и наказании» Ф.М. Достоевского, о «тюремном ангеле» Ф.П. Гаазе.

Так как в настоящей диссертации изучается взаимное влияние *жанровых* и *повествовательных* категорий «тюремного» и «каторжного» текста, то мы сочли

необходимым подробнее остановиться на учении выдающихся исследователей, посвятивших свои труды указанным аспектам литературоведения. «Осторожный» текст рассматривается как «сверхтекст», предполагающий выход за «свои собственные пределы» (В.Н. Топоров); мы следуем предложению Ж. Женетта изучать функции итератива (nП/1И) и сингулятива (1П/1И) в художественном и публицистическом произведении. Классификация *нарраторов* (рассказчик, рассказчик в *сказе*, повествователь, «ненадежный нарратор» и пр.), разработанные учеными (Б.О. Корманом, Е.В. Падучевой, В.П. Скобелевым, В. Шмидом) подходы к исследованию субъектных сфер текста также учитываются в данной диссертации. Выдвинутая и обоснованная Б.А. Успенским концепция «глубинной композиции» во многом определила логику настоящей работы.

Во II главе «Поэтика и проблематика мемуарной литературы», состоящей из двух параграфов, анализируются содержащие «осторожный» и «каторжный» текст воспоминания декабристов и революционеров-народников, рассматриваются стиль и способы выражения восприятия и понимания мира создателями «эстетического документа» (Ю.В. Манн). В параграфе 2.1 «Мемуары декабристов: пространственная и временная точки зрения, графические средства выражения позиции идеологов восстания» мы анализируем труды Н.И. Лорера, А.Е. Розена, С.П. Трубецкого, И.И. Горбачевского, объединивших накопленный коллективный опыт поколения российских «вольнолюбцев» и осознание ценности отдельного человека. Воспоминания декабристов важно рассмотреть с точки зрения «пространственного прикрепления» (Б.А. Успенский) нарратора к описываемому объекту. Н.И. Лорер и И.И. Горбачевский неоднократно возвращаются к описанию тюремного *окна* – мифопоэтическому образу, традиционно значимому в парадигме *свобода/неволя*. «Пространственная» позиция нарратора заявляет о себе в мемуарах и при изображении недобровольного путешествия декабристов по Уралу и Сибири. Усиленные одорическими деталями (тюремные запахи, ароматы степей, лесов) образы пространства передают сиюминутные ощущения рассказчика и демонстрируют смену настроений: от уныния (описание станции, одиноко стоящей на вершине горы) к восторгу (впечатления, произведенные просто-

рами страны). «Временная» позиция носителя слова отразилась в «Записках...» декабриста А.Е. Розена, и если рассмотреть формы глаголов, категорию «моментальности», то можно наблюдать соединение точек зрения «концепированного автора» и персонажа, отношения синхронность/ретроспективность, придающие повествованию динамику. Большую роль в уточнении мировоззрения автора играют такие графические средства, как курсив, кавычки, латинский шрифт (при использовании французского языка, этого «пароля» дворян). Выявлено, что самые значимые реплики (из допросов следственной комиссии, «тайных» записок родственникам) выделены указанными знаками, что акцентирует этическую оценку происходящего. В параграфе 2.2 «Воспоминания и художественные произведения революционеров-народников: на пути к достижению объективности повествования» изучается «острожный» текст мемуаров В.И. Засулич, В.Н. Фигнер, а также произведений С.М. Степняка Кравчинского с точки зрения «психологии» (в русле учения Б.А. Успенского о «глубинной композиции»), то есть соотношения описания событий, в которых участвовал сам нарратор (это будут «факты»), и восстановленных по рассказам персонажей (на основе их субъективных ощущений). Писатели стремятся к объективности путем сопоставления реплик «достоверного» и «ненадежного» нарраторов (например, искренняя В.И. Засулич – мистификатор С.Г. Нечаев), использования контрфактических высказываний (условные предложения, указывающие на *вероятные* ситуации, можно встретить в мемуарах В.Н. Фигнер). В «записках» народников нет пространных философских рассуждений, отсутствует надежда на возможность договориться с политическими оппонентами (что можно видеть в мемуарах декабристов), последнее обстоятельство – повод объяснить жестокость поступков террористов. Анализ произведений С.М. Степняка-Кравчинского (в 1878 году, в Санкт-Петербурге, убившего кинжалом шефа жандармов Н.В. Мезенцева) выявил синтезированный тип повествования, соединяющий приключенческие и бытописательные эпизоды, отразившие личный опыт «биографического» автора (например, в романе «Андрей Кожухов»). В публицистических циклах очерков «Подпольная Россия» и «Россия под властью царей» писатель также стремится к сохранению

объективности изложения, но уже путем соединения *факта* и *образа*. В публицистику вводятся тропы, нейтральная лексика заменяется на высокую («узница», «колесница осужденных»), что придает тексту поэтическую окраску, а персонажам – героический ореол.

В III главе «Классики отечественной литературы XIX века о тюрьме и каторге», состоящей из четырех параграфов, рассматривается соотношение диегезиса и мимесиса, типического (обыкновенного) и исключительного в художественных произведениях Ф.М. Достоевского, В.Г. Короленко, Л.Н. Толстого. В параграфе 3.1 «Житие протопопа Аввакума» – предтеча «острожной» литературы второй половины XIX века» мы сочли необходимым упомянуть о том влиянии, которое оказал знаменитый памятник XVII века (опубликованный в 1861 г.) на выдающихся писателей, обратившихся к проблемам тюрьмы и каторги. Стиль близкого к агиографии «Жития...», «замещенная прямая речь», цитаты из Евангелия отразились на последующих произведениях, содержащих эту тему. Соединение бытового с высоким, примирение с обвинителем («подставь другую щеку...»), смирение со страданием («Он меня лает, а я ему рекл: “благодать в устнех твоих, Иван Родионович, да будет”»), безусловно, привлекали классиков, также прибегавших к Библии при выборе эпитафий, при создании сакрального подтекста. Параграф 3.2 «Цикл повестей Ф.М. Достоевского “Записки из Мертвого дома”: соотношение диегезиса и мимесиса» посвящен анализу манеры повествования (неизменно сказывающейся на жанре), рассмотрению сложившегося равновесия между «буквальным» и художественным. Чередование диегезиса («рассказанный» (в аристотелевском понимании) фикциональный мир, созданный в произведении как реальный) и мимесиса (*художественное* как цель «концепированного» автора) определяет ритмическую организацию данного произведения. В качестве *рассказанного* воспринимается повествование о «казенной» работе («Многие из арестантов приходили в острог ничего не зная, но учились у других и потом выходили на волю хорошими мастеровыми»). Подобная информация о нормах тюремной жизни сопровождается обобщениями («все», «многие»). Эпизоды, отмеченные сингулятивной риторикой, содержащие описание чувств, мотивов

поступков персонажей («дагестанского татарина» Алея, Петрова), включающие философские размышления автора, например, о жажде свободы, вере, о «неожиданном» сближении с народом, устремлены к мимесису. Взаимодействие в «Записках из Мертвого дома» конкретного (быт, неписанные правила острога) и скрытого в глубинах сознания индивида обусловлено жанровыми законами *повести*. В данном цикле повестей представлена не объемная (романная), а «линейная» хроника череды событий из жизни острожников, что сопровождается изображением душевного состояния героев, «погибающих даром». Их любовь, дружба, страсти, пороки, «детскость», отношение к животным также описаны по мере появления соответствующих эпизодов, существующих в единой пространственно-временной плоскости острожного бытия. О характерной для повести заданности, «целеустремленности» напоминают неизменное сочувствие Горянчикова-Достоевского к страданиям людей в «Мертвом» доме (замершей, завершенной в своей бесчеловечности модели мира), *затекстовые* сигналы читателю об автобиографической основе повествования. В параграфе 3.3 «Рассказ В.Г. Короленко “Соколинец”: сюжетно-композиционная система (“встроенная история”) и позиции нарраторов» произведение писателя рассматривается с точки зрения сопоставления двух носителей слова, относящихся к разным слоям общества (интеллигентный человек и бродяга), но объединенных отсутствием необходимой человеку свободы. А.П. Чехов заметил, что данный рассказ создан как «хорошая музыкальная композиция», имея в виду и мастерское использование приема «вставной новеллы», позволяющего повествователю свободно перемещаться в художественных пространстве и времени, сопоставить мнения персонажей, навеять *саспенс* (тревога ожидания), перейти к *проlepsису* (намек на предстоящие события). Рассказ бродяги Василия, сообщившего о своем дерзком побеге с острова Соколиный, знаменует перелом в сюжетно-композиционной системе произведения: «первый» нарратор и читатель узнают не только об опаснейших приключениях, но и о нравах, быте якутского населения: они добры, их лошади сильно отличаются от русских, их юрты открыты ветрам океана. Постепенно «унылый край» показывается с иной стороны, он по-своему красив, невозможно не любоваться тем, как «снега

уходили вдаль ровною пеленой, чернела гребнем тайга, синели дальние горы». Таким образом в рассказ вносится необходимая нота оптимизма, контрастирующая с настроением персонажей, объясняется, почему этот край привлекал мужественных путешественников. Так поддерживается сложившееся в культурном пространстве восприятие главного *нерва* творчества писателя (пережившего много трудностей, видевшего человеческие страдания) – забота о том, чтобы читатель не поддавался ощущению тоски, безысходности и отчаяния. В рассказе «Соколицы» данная идея обусловлена взаимодействием нарраторов. В параграфе 3.4 «“Острожный” и “каторжный” текст в “Воскресении” Л.Н. Толстого: типическое и исключительное» рассматривается роман как произведение, где поэтологически подтверждены представления писателя об *обычном* и *экстраординарном* (единичном). Четыре библейских эпиграфа представлены итеративной риторикой (так *было всегда* и так *должно быть*), повлиявшей на стиль произведения в целом. Первый абзац романа («Как ни старались люди, собравшись в одно небольшое место несколько сот тысяч, изуродовать ту землю, на которой они жалась...») также выполнен в итеративе, но пессимистическое утверждение опровергается сообщением о том, что *всегда* (и это тоже из разряда *обычного*) существовало противодействие: «весна была весною даже в городе». Данный фрагмент несет в себе основную идею писателя: человек, «заблудившийся» на дороге жизни, имеет шанс на возрождение, и об этом напоминает весеннее обновление природы. «Острожный» текст, помещенный в ольфакторное пространство («удручающий тифозный запах»), внушает мысль о непреодолимости отвратительной тюремной обстановки – обычной. Однако, убедив читателя в безысходной процессуальности, маркером которой становится слово «всегда», нарратор создает условия для перехода итератива в «псевдоитератив» (Ж. Женетт), и уже не типичная *арестантка*, а Катюша страдает, идя по мостовой в неудобных «котах», именно она смущена милостыней («копеечкой»). «Псевдотерапия» в данном случае навеивает мысль о том, что любой человек, переступив порог тюрьмы, растворяется в серой массе, но тем не менее у него есть имя, чувства. Во второй главке I части сообщается «история арестантки Масловой» – «очень обыкновенная история». Это под-

тверждают обобщающие фигуры: «обыкновенно делается», «каждый год», «так умерло пять детей», «всех их крестили». Но здесь же, за общими сведениями, мы узнаем, что среди тысяч женщин, губивших «нежданных» детей, была одна, родившая Катюшу, и это обозначается характерным «Но случилось так...» – знак сингулятива. И мы узнаем о «чудесном» спасении двумя барынями девочки, впоследствии выросшей в господском доме. Если в нарративной картине «тюремного» текста, при взаимном «подсвечивании» итератива и сингулятива наблюдается осторожное (суггестивное, основанное на дополнительных смысловых оттенках) предположение, что все происходящее есть *обычное* (норма жизни), то в «каторжном» тексте «Воскресения» проблема представляется иначе. Реакция «политических» заключенных на поступки охранников, преобразившиеся Нехлюдов и Катюша напоминают о том, что толстовские «обыкновенные люди» и «наделяются изменяющимся на глазах, пульсирующим смысловым объемом и обликом» (А.А. Фаустов). Именно в «Воскресении» «обыкновенный человек» означает *нравственный* человек, пребывающий (в контексте жанровых законов романа) в «неготовой», «становящейся» (М.М. Бахтин) современности.

IV глава «Элементы беллетристики в публицистической и документальной литературе о тюрьме и каторге», состоящая из четырех параграфов, посвящена анализу циклов очерков Н.М. Соколовского и С.В. Максимова, А.П. Чехова, В.М. Дорошевича. В параграфе 4.1 «**Особенности субъектной организации текста в цикле очерков Н.М. Соколовского “Острог и жизнь (Из записок следователя)”**» анализируется произведение писателя-следователя, размышлявшего о причинах преступлений и правомерности наказаний. Цикл очерков Н.М. Соколовского представляет собой публицистическое произведение (попытки юриста и общественного деятеля обосновать причины преступлений с точки зрения воздействия на личность социальных, биологических, природных факторов) с чертами беллетристики (захватывающие описания убийств, грабежей с привлечением портретных характеристик, тропики). Стараясь сохранить равновесие между изложением реальных проблем отечественной пенитенциарной системы и занимательными подробностями (свойственными детективу), но не желая

прослыть автором «легкого чтива», писатель не забывает о моральных наставлениях, нравоучительных выводах. Ожидаемое в очерках описание быта и нравов представлено повествованием бесстрастного нарратора-очевидца, который иногда, как публицист, заявляет, что его персонажам не хватает «психической борьбы», а домыслить многое он «предоставляет» своему читателю. «Криминальные» истории из следственной практики, безусловно, содержат сюжетное зерно, способное развиваться в новеллу-детектив, но автор осознанно сводит все к типизации, не к художественной, а социальной. Кроме случаев *объявленного* ухода от излишней беллетризации, используются и скрытые «сдерживающие» способы (из ряда структурных) – намеренное недопущение элементов художественного произведения: избегание кульминаций, сокращение фабульной цепи событий в пользу нравоучений. Однако цель писателя – создать поучительную публицистику, поэтому иногда вводятся сравнения, например, следователя с анатомом, метафоры («жизнь – театр»), эпатажные эпитеты (драмы «потрясающие, окрашенные кровавым цветом»). Меняя позицию «я-повествования» на аукториальную, автор характеризует такие распространенные явления, как бродяжничество, конокрадство и пр. Особенно ярко указанные признаки беллетризованной публицистики проявляются в сравнении с образцами высокохудожественными, например, при сопоставлении *статичных* персонажей Н.М. Соколовского («маленького человека», «преступника-философа», «дикаря») с героями гоголевской «Шинели», «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского, «Федюшки конокрада» Г.И. Успенского.

В параграфе 4.2 «Способы беллетризации документального материала в “Сибири и каторге” С.В. Максимова» изучаются аспекты поэтики и проблематики произведения, созданного выдающимся этнографом, собирателем фольклора, беллетристом. «Сибирь и каторга» – плод изучения состояния тюрем и быта ссыльных. Этот труд изначально издали под грифом «секретно», и лишь в 1871 году он целиком вышел после публикаций отдельных глав в журналах. Материал данного цикла очерков – исторические архивные документы, мемуары декабристов, данные статистики, фольклор (песня, поговорки), личные наблюдения путешественника. Жанровая эклектика повлекла за собой стилистическую, и

«нейтральный» повествователь иногда уступает место «личному» рассказчику («я наблюдал», «я встретил»). В данном цикле очерков сюжет развивается, как и положено, благодаря авторским ассоциациям, а не логике характеров и конфликта; обширнейшие сведения разделены на части и главы («Древние способы искания правды», «Ссылка во время междуцарствия, при царях Михаиле и Алексее», «Войнаровский», «Радищев» и пр.). Заинтересованный читатель может узнать, что Зерентуйский серебряный рудник открыт в 1825 году, и толщина его «не более 2 сажень», получить информацию о даурских серебряных заводах, количестве и национальном составе ссыльных в 1863 году, о слесарных мастерских, построенных для каторжан в Тобольске. Автор хочет сделать произведение интересным и востребованным широкой аудиторией, вследствие чего текст изобилует различными индициальными знаками, например, указывающими на обращение к читателю-единомышленнику: «Отъезжайте от так называемого Большого Нерчинского завода...»; «выберите возвышенное место на попутной горе...». Писатель прибегает к беллетризации, сообщая забавные истории о проделках жуликоватых купцов, персонажей-авантюристов (например, о Сеньке, согласившемся за 4 рубля лечь под розги). В цикл очерков перенесены беседы с каторжанами, передана *сказом* их речь, но в отличие от данной формы повествования в художественном произведении в документальном она не столько характеризует его носителей, сколько подтверждает точку зрения писателя. Несмотря на то, что главы всех трех частей «Сибири и каторги» демонстрируют жанровое и стилевое разнообразие, во всем цикле все же сохраняется единство, которое, согласно очерковой природе, обеспечивается общей темой.

Параграф 4.3 «“Сахалинский миф” и реальность в цикле очерков А.П. Чехова “Остров Сахалин (Из путевых заметок)”».

А.П. Чехов, в 1890 году посетивший Сахалин, стремился к объективному исследованию российской каторги и заготовил для опроса осужденных преступников тысячи карточек. В созданном цикле очерков ожидаемо присутствует обширный итеративный текст (он преобладает в первой части произведения, что маркируется словами и словосочетаниями, типичными для итератива: «всегда», «всё», «ежедневно», «во всех селениях» и пр.), так как речь идет о повторяющихся изо

дня в день процессах, наблюдаемых постоянно, но изложенных «за один раз» (Ж. Женетт). Это и «нерукотворный» шум волн в порту, и плод изобретений человека – металлический гул проводов телеграфа, и постоянный звон кандалов. К этим воспринимаемым как «норма» явлениям относится и описание «обычного» приезда на остров женщин-каторжанок. Однако даже очень сдержанная чеховская манера изложения не скрывает его убеждения в том, что так не должно быть. Сложившийся в результате этого «псевдоитератив» (изображение якобы привычных явлений) проявляется и в иронии (женщин «торжественно ведут»), в описании их ноши («под тяжестью узлов и котомок»), изнуренного вида («плетутся <...> вялые»). Во второй половине цикла очерков преобладает сингулятив, так как изложены истории, воспринятые автором как неповторяющиеся и изумившие его, однако итожатся эти фрагменты итеративно и сразу же перестают быть уникальными. Примером может послужить изображение путешествия на мыс Джаоре, где в труднодоступном месте, в убогой избушке жил офицер Б. (художник), две его дочери и изумившая автора интеллигентная элегантная супруга. Однако единственная фраза старожилы переводит повествование о ярких впечатлениях в итеративную сферу, «угрюмый матрос» дал понять «чудаку»-писателю, что история этой семьи типична: «По доброй воле сюда не заедешь!». Описывая жестокую экзекуцию, истории убийств, автор сообщает, что они не выделяются из массы однородных, люди ожесточаются, становятся равнодушными к страданиям: юристы, получившие образование и служившие в самом Петербурге, не соблюдают закон, фельдшер «любит» наблюдать «порку», а зритель в продолжение наказания беспечно «насвистывает». Так создаются условия для «псевдосингулятива». Отмеченная нами «бесстрастность», нейтральность чеховского повествования, подтверждает тот факт, что автор «Острова Сахалина...» подавлен мыслью о невозможности изменить что-либо к лучшему, этим и определяется пафос произведения: «жестокие средства и методы обесмысливают саму идею исправления»⁴.

---

⁴ Фаустов А.А. Игры воображения. Историческая семантика характера в русской литературе / А.А. Фаустов, С.В. Савинков. – Воронеж: ООО ИПЦ «Научная книга», 2013. – С. 269.

Параграф 4.4 «Способы выражения авторской позиции в очерках В.М. Дорошевича о сахалинской каторге». В данных циклах очерков писатель пытался создать по-журналистски яркий, порой шокирующий своей открытостью «отчет» о путешествии, привлекающий читателя искренностью и эпатажными тропами: эпитетами («будущность тяжка и безотрадн»), метафорами («сентиментальность – маргарин любви»). Приводится масса конкретных свидетельств человеческих страданий, а для подведения итогов представлено душевное состояние нарратора-очеркиста, и это уже из области итерации – абстрагирования от однотипных эпизодов. Надо отметить, что границы между сингулятивно выполненными фрагментами и итерациями достаточно размыты: когда нарратор показывает нечто «процессуальное», ему не всегда удается подвести убедительный итог (например, при описании типов преступников). Типизация достигается лишь в сравнении социально конкретного и общечеловеческого, для этого привлекаются образы сатириков-предшественников (Н.В. Гоголя, М.Е. Салтыкова-Щедрина). Понимание невозможности *внешних* положительных перемен приводит к попыткам собрать в стройную систему хотя бы свои мысли, впечатления (*внутренний жест*). Беллетрист рисует и общие планы, и детализирует портреты преступников, приближая читателя к проблемам каторги, которые, по его убеждению, всех должны волновать так же сильно, как и автора-очевидца.

В **Заключении** формулируются основные выводы по проделанному исследованию, определяются перспективы изучения «тюремного» и «каторжного» текста (сравнительный анализ произведений XIX и XX веков).

Работы, опубликованные в сборниках, входящих в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ:

1. Горбацевич, О.А. К вопросу о нарративных стратегиях Ф.М. Достоевского, Н.М. Соколовского, А.П. Чехова (тюрьма, ссылка и каторга в документальной и художественной литературе второй половины XIX века) / О.А. Горбацевич, Г.А. Шпилевая, В.А. Бондаренко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2021. – № 2. – С. 64–70.

2. Горбацевич, О.А. Поэтика «рассказа о бродягах» В.Г. Короленко «Соколинца» (1885): субъектная сфера, сюжетно-композиционная система, оппозиция «свой/чужой (другой)» / О.А. Горбацевич, Д.А. Скобелев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2023. – № 1. – С. 14–17.

3. Горбацевич, О.А. О некоторых аспектах субъектной сферы «Жития протопопа Аввакума» / О.А. Горбацевич // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2023. – № 4. – С. 22–25.

4. Горбацевич, О.А. О «глубинной композиционной структуре» мемуарной прозы (на материале «Записок декабриста» А.Е. Розена) / О.А. Горбацевич // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2024. – № 2. – С. 38–41.

5. Горбацевич, О.А. О субъектной сфере воспоминаний Веры Николаевны Фигнер (На материале главы IV «Тюрьма дает мне друга» мемуаров «Когда часы жизни остановились») / О.А. Горбацевич // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2024. – № 4. – С. 23–26.

6. Горбацевич, О.А. О стиле мемуаров декабристов: графические средства выражения авторской позиции (курсив, кавычки, латинский шрифт), «вставные новеллы» / О.А. Горбацевич // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2025. – № 1. – С. 5–7.

В других изданиях:

7. Горбацевич, О.А. Об особенностях повествования в циклах очерков Н.М. Соколовского «Острог и жизнь (Из записок следователя)» (1866) и А.П. Чехова «Остров Сахалин. Из путевых записок» (1891–1893) / О.А. Горбацевич, Г.А. Шпилевая // Inskursje. Polrocznik. Польша, Седльце: Институт культуры им. Франциска Карпинского, 2021. – № 1 (16). – С. 75–83.

8. Горбацевич, О.А. Отражение когнитивного опыта общества в «каторжной очеркистике» А.П. Чехова и В.М. Дорошевича (к вопросу о функциях итератива и сингулятива в произведениях о Сахалине) / О.А. Горбацевич // Книга в современном мире: когнитивные аспекты. Материалы IX всероссийской научной конфе-

ренции с международным участием. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2021. – С. 212–221.

9. *Горбацевич, О.А.* Об особенностях повествования в «экспозиции» романа Л.Н. Толстого «Воскресение» / О.А. Горбацевич, Г.А. Шпилевая // Материалы Толстовских чтений 2021 г. в Государственном музее Л.Н. Толстого. – Москва: РГ-Пресс, 2022. – С. 141–152.